

УДК 316.422.44

Е. Г. Каменский, к. соц. н., доцент, доцент кафедры философии и социологии, Юго-Западный государственный университет (г. Курск) (тел. +79038703830, e-mail: kamensky80@mail.ru)

«КИБЕРФИЗИЧЕСКОЕ» ОБЩЕСТВО: СУБЪЕКТНОСТЬ. ЦЕННОСТИ. КОММУНИКАЦИЯ

Данная статья посвящена анализу проблемы современного образа и содержания социального субъекта в сопряжении с процессами развития техносферы, в первую очередь ценностного компонента конвергентных технологий. Суть проблемы заключается в том, что в современной реальности, вопреки трансгуманистическим чаяниям и философскому пафосу технократического оптимизма, представляющим собой не более чем осовремененную идеологию постмодернистского мировоззрения, социальная сущность человека, его личность как интегративный социокультурный феномен субъектно деградирует или хотя бы упрощается. Это продиктовано не только тем небывалым уровнем технико-технологического прогресса, который мы наблюдаем сегодня, но и его проекцией в футурологии в самом широком спектре ее культурных и общественных локаций, начиная с научной рациональности, заканчивая экзистенциальным переживанием тоффлеровского футурошока в индивидуальной и коллективной биографии личности. Именно эти процессы с позиций решения задачи понимания и концептуализации проблемы трансформации социальной субъектности и социальных ценностей являются объектом данного исследования. Основным результатом работы является установление факта редукции сложности социального субъекта в сложном техногенном социуме, формировании такого его типа как субъект-оператор и актуализации терминальных ценностей киберфизической коммуникации.

Ключевые слова: социология техники, социальные ценности, социальный субъект, личность, коммуникация, конвергентные технологии, научно-технический прогресс, Индустрия 4.0, NBICS, киберфизические системы.

Говоря о так называемой техно-реальности, которая актуальна для массового субъекта, в первую очередь нужно очень кратко сформулировать контекстуальные характеристики такой социальной среды. И в этом случае нужно осознавать, что по-прежнему актуальная идеология общества потребления наполняет основные духовные контексты формирования общественных ценностей и реализации субъектности социальными мифами и модой на технократичность. В результате любые инновации имеют ценность в такой среде лишь как технологии широкого потребления. Здесь наблюдается крайне упрощенная типология субъектности, включающая всего два типа – производителя и потребителя инновации, технологии как продукта.

Например, сегодня существует преимущественно основанная на разработках М. Кастельса и широко распространенная позиция относительно того, что сетевые структуры, например виртуальные социальные сети, создают некое «вневременное

время», избавляющее от контекстов. Изящество данных конструкций несомненно и очевидно. Однако для личности-субъекта любое присутствие в реальности, будь она виртуальной или какой-либо еще из «существующих» сегодня, предполагает ее активность любого рода, которая только и возможна в контекстах. При этом контекстуальная структура и собственно связанность, тип структурирующей контекстуальной связи играет гораздо большее значение, чем кажется на первый взгляд. Предполагая системную целостность, эмерджентная сеть как сложная среда немыслима субъектом в реальных социальных практиках. Он действует в ней, будучи локализованным именно в контекстах. Другой вопрос, что в отличие от «прошлого», современные технологии, в первую очередь так называемые виртуальные сети, позволяют нам присутствовать во многих контекстах одновременно, выводя нас за границы присутствия физического.

Участие в киберфизической реальности безусловно предполагает наличие интерфейсов для вхождения субъекта в эти среды и активности в них. И это проблема не только технологического характера, остро стоящая инструментально в процессе формирования Индустрии 4.0, Интернета Вещей, Умных сред. Формируются так называемые киберумвельты, имеющие гибридную природу. В связи с этим говорят преимущественно о неких коллективных субъектах, коллективном бессознательном, которые формируются и прогрессируют именно в таких средах. На круглом столе «Философские и социо-антропологические проблемы конвергентного развития киберфизических систем (Блокчейн, Интернет Вещей, Искусственный Интеллект)» В.Г. Буданов говорит: «Важно и возникновение новой субъектности, и речь здесь не о личности, а о коллективном бессознательном» [11], где последнее есть в определенном роде и при определенных условиях – мудрость толпы.

Но когда же мы будем говорить о Личности? И какая наука современности берет на себя смелость всерьез говорить о Личности в связи с осознаваемыми возможностями новых технологий? В.Г. Буданов утверждает, что система опроса сети по любому мелкому поводу в итоге может дать хороший результат, и возникает коллективный субъект, который способен прогнозировать. Умные среды и Интернет вещей могут начать взаимодействовать с этим коллективным бессознательным [11]. Однако, возникает вопрос, почему именно опросы в сети дают такой уникальный результат и сформируют коллективного субъекта, отличного от наличествующего? Выходит, что традиционные опросы вне виртуальных сетей не дадут подобного результата? И какова роль личности в этом процессе, кроме как некоего квантоподобного присутствия в статусе единицы информации, выражающей частное субъективное мнение, обусловленное может быть лишь обстоятельствами и ситуацией (внешними, внутренними или в совокупности), контекстуально влияющих на него в момент опроса, одномоментно стабилизируя эту, условно говоря, «квантовую неопределенность» производителя такой единицы информации?

Принимать сегодня как безусловную данность (и более чем результаты экспериментов со сложностью и эмерджентностью) во внимание результаты подобных мнений некоего коллективного субъекта, еще и основанное на коллективном бессознательном, как минимум преждевременно. Преждевременно

уже по той причине, что в нем отсутствует осознанная позиция, аргументация и прочие истинные атрибуты социальной субъектности. Сам по себе традиционный плебисцит не представляет собой ничего нового, даже если проводить его в рамках социогуманитарной экспертизы техносреды и с применением новейших технологий, хотя бы и позволяющих существенно сократить сроки сбора и обработки данных. На первый взгляд подобный подход вносит свой вклад в «обезличивание» современной личности, ее деперсонификацию. Но во всех ли случаях это достойно критики? Так ли уж нивелируется здесь гуманистический подход, хотя и подвергающийся критике за излишнее превознесение человека, но обретающий сегодня небывалую популярность в связи с футурофобией, вызванной в первую очередь конвергентными технологиями (NBICS). Но что если не сами скорости сбора и обработки информации дают те конвергентные эффекты, о которых говорят сегодня. Думается, что еще более важен, помимо технологических аспектов, «дух времени», повсеместно характеризуемый через категории бифуркации, нестабильности, турбулентности, сингулярности, антропологического поворота.

В любом случае, проблема современной социогуманитарной экспертизы техносреды, в числе прочего, в социальном аспекте отражается не только в вопросах формирования оснований и критериев расширения или ограничения границ *гражданской субъектности*, но и появлении ее *новых форм*. При этом мы должны понимать и учитывать, что «киберпространство - третья великая форма всемирной экспансии капитализма» [12]. И этот вопрос, как нам кажется, ставит перед субъектом сложного социума и перед его институтами задачу формирования мышления в сложности (по В.И. Аршинову), в то время как современное образование и вся институциональная система обеспечивают общество конвейерным производством «неквалифицированного потребителя», воспроизводя культуру общества потребления, создавая ресурсы для этой экспансии и формируя ее социокоды. В этом же ключе происходит сакрализация науки и инженерного творчества для массового субъекта при одновременном падении их социального статуса. Ученый воспринимается либо как кудесник, либо как представитель профессии, обязанной решать любые, в том числе еще неразрешимые социальные (в широком смысле слова) проблемы. Образ науки, техники и технологий являет собой нечто «непонятное», но «утилитарное» в массовом масштабе.

В такой ситуации актуален акцентируемый В.С. Бестужевым-Ладой так называемый дополнительный упреждающий проблемный анализ, который «показывает, что значение четырех из пяти мест, в которые вам надо попасть на протяжении дня, при экстраполяции наблюдаемых тенденций в будущее, явно снижается по сравнению с растущим значением пятого места, причем внезапно открывается перспектива необходимости посещения какого-то шестого места, после чего станет ненужным посещение первых пяти» [3]. Мы считаем, что «пятым местом» сегодняшнего дня и выступают NBICS-технологии, а «шестым» - актуальный прогноз и формирование органичной ценностной матрицы контекстуальной среды общества, создающего столь серьезный инструмент своего же развития. Думается именно рефлексивность второго порядка, субъектное присутствие Наблюдателя 2.0 как наблюдателя сложности призвана осуществлять

такой анализ и на его основании строить прогнозный сценарий. Здесь мы считаем особо важным отметить, что подобный прогноз должен когерентно сопрягаться с глобальным проектом, где субъект-наблюдатель второго порядка будет выстраивать и воплощать в жизнь стратегии управления сложностью на основе принципов «управления управлением», поиск и становление которых являются сегодня одной из так называемых «Wicked problem» [1].

Пытаясь примирить гуманистический подход и синергетическое мышление в анализе сложного социума, С.А. Кравченко говорит о том, что «необходимо движение к нелинейно-гуманистическому мышлению, учитывающему не только парадоксальные разрывы и синтезы в общественном развитии, их синергию и риски, но и ставящего во главу жизнедеятельности человека поиск *новых форм гуманизма* (выделено мной - Е.К.), ориентированных на его экзистенциальные потребности» [8]. На подобную деятельность не способен субъект-оператор, призванный реализовывать в этом процессе управления сложностью инструментальные функции того или иного масштаба.

Поясним здесь более подробно связь вышеизложенного и проблемы упрощения социальной субъектности в пространствах техносреды с позиций ценностно-нормативной регуляции социальных взаимодействий и рисков, тем более, что и само «...понятие риска является релятивным к ценностям культуры» [6].

Например, глобализация стала давно конъюнктурным фактом аргументации в анализе таких проблем. Но культурная глобализация и глобализация, например, информационная, не равнозначны. Тогда «каких людей формирует среда WEB 2.0, 3.0 и выше? Насколько иными будут их ценности, жизненные принципы, особенности поведения?» [10].

В отличие от социокультурных матриц, протоколы сетевых киберфизических систем не несут в себе в качестве основы ценностного компонента, или в лучшем случае он вторичен. Следовательно, нормативный компонент предвосхищает ценностный, формируя механистичные паттерны социальных интеракций в таких средах. Однако вся история социокультурной эволюции человечества основана на обратном процессе, ведь нормируется то, что важно – то есть ценности. В этом случае, при условии построения киберфизических систем и новых техногенных нейромиров по образу реальных, необходимо выстраивать их ценностную матрицу, что, вероятно, невозможно на принципах такого подобия ввиду их техногенной онтологии. Алгоритмизированное происхождение и существование Природы 2.0 и Человека 2.0 именно и строится на заданных протоколах, исключая в реальности нелинейность человеческого бытия, построенного как на началах социальной конвергенции, так и дивергенции.

По сути это проблема построения Морали 2.0, 3.0 и так далее. При учете ведущим нормативного компонента, мы с наибольшей вероятностью увидим крайне рациональную мораль. Ведь и искусственный интеллект – это интеллект без сознания, а значит, видимо, и без морали.

Унифицированные протоколы коммуникаций киберфизической реальности могут стать (и становятся) семиотическим швом субъектно-актуальных контекстов, имевших раньше для личности относительно автономное,

онтологически самостоятельное значение, сообщая формируя определенную социокультурную «палитру». Если рассмотреть этот вопрос хотя бы и через топологическую теорию полей П. Бурдьё, вовлекающих личность в различные семиотические пространства коммуникаций, или, говоря уже феноменологическим языком, области значений, в любом случае сегодня мы наблюдаем формирование сущностно-единого, гибридного топологического поля, формируемого именно содержанием и структурой интерфейсов, учитывающих задачу интеграции действующего индивида в глобальные интеракции антропосоциотехносферы, глобальную область знаков и значений – Природу 2.0, Социум 2.0 и далее. В этом заключается развитие информатизации, «Информационного общества» как социокультурной парадигмы. Сохранение различий в коммуникативных протоколах культур в такой среде является как раз серьезным препятствием на пути их интеграции в единое информационное поле, какие бы надежды не возлагались на эмерджентность сетей. Это актуально для описания онтологии самой сети, но не для субъекта. Такое поле будет в отношении социально-топологической структуры интегративным, феноменологически объединит области значений коммуникации. Далее такая коммуникация как культура смыслов, порождаемых из актуализации как цели построения самого ее процесса, а не из содержания, станет и семиотически однородной по причине социальной унификации этих смыслов, рождаемых самим языком киберфизической реальности. Здесь мы и сможем наблюдать рождение смыслов коммуникации не из содержания, а из процесса (В.А. Аршинов, М. Кастельс).

Если в еще недавнем прошлом различная профессиональная принадлежность субъекта порождала различия и провоцировала поиск и согласование «интерфейсов» коммуникации, в первую очередь в виде именно *ценностного смысла*, интегрирующего профессиональные субкультуры в общей социокультурной канве, то развитие коммуникационных сетей и единых стандартов управления даже относительно «простыми» техногенными объектами порождает технологическую унификацию сводящихся к функциям оператора профессий во всех отраслях хозяйствования, создавая культуру коммуникации *субъектов-пользователей, субъектов-операторов*. При этом в экономике такого общества в функциональном наборе оператора в умных средах интегрируются посредством концентрации в оперативной среде его управления большинство обслуживающих инфраструктурные объекты нарождающейся Индустрии 4.0 функций, возлагая их на саму техническую систему. Такой субъект осуществляет алгоритмизированное управление сложной технической системой управления, не вторгаясь непосредственно в эти связи. То есть, хотя и осуществляется «управление управлением», но по заданным протоколам, механистично.

Говоря о проблеме в более крупном масштабе социальных последствий, в частности грядущей безработицы в связи с возрастающей сложностью техносциума и вытеснением социального субъекта-личности из сферы технологизированных профессиональных практик, заполняющих исчезающие ниши традиционных индустриальных профессий, В.Г. Буданов пишет: «Это – важнейший исторический вызов современности, который возник впервые, это проблема экзистенциальных смыслов будущей жизни с неограниченным

свободным временем досуга. Не случайно в богатейшей Швейцарии в июне 2016 проводился плебисцит на тему принятия закона о «Безусловном основном доходе» более 2200 евро для каждого жителя страны вне зависимости от его занятости. Против закона проголосовало почти 80% населения, люди не представляют свою жизнь без гарантированной работы, даже при материальном благополучии. Понятно, что это лишь пробный шар для богатых регионов мира, но пока аргументы в пользу занятия творчеством и самореализацией все еще не столь популярны, да и матрица социальных и экзистенциальных ценностей предполагается совершенно иной, в ней должны быть активированы высшие уровни пирамиды А. Маслоу, не связанные с идеалами общества потребления. В любом случае тотальный мировоззренческий поворот, очевидно, назревает» [5].

Конечно приводимые В.Г. Будановым примеры, основанные на сопряжении техно- и социальной реальности через призму пирамиды потребностей Маслоу, справедливы. Однако нужно выйти за пределы этого дальше – в последствия. Как среда позволяет реализовать эту вершину, сводя все к функциям оператора. Уже нынешние машины и механизмы сводят на нет трудовую палитру человека-субъекта. Все системы управления механизмами построены по единым принципам и все творчество в управлении ими заключается в необходимости повышения квалификации или ее коррекции. То есть формирования новых компетенций на *универсальной* профессионально-инструментальной платформе. Современным прообразом такой платформы в вопросах конвергенции инженерного искусства и науки является технонаука.

Следовательно, в оптике социологического анализа, проблему субъектности, по крайней мере, профессиональной, можно рассмотреть через содержание статусно-ролевого набора, репрезентируемого сегодня в таких типах субъектности, как личность-оператор и личность-пользователь. В этом случае основной критерий – это тип интеграции личности-субъекта в сложностные социотехномиры. Производитель, потребитель и эксперт инновации – несколько иная, слишком уж упрощенная и укрупненная типология, хотя и носящая фундаментальный методологический характер и выступающая основой для любых других типологизаций в изучаемом нами аспекте. Ведь тип оператора и пользователя может быть представлен в «производителе» через управление сложными машинами и технологиями, производящими другие технологии, и в «потребителе», реализующем в киберфизической и иных типах технореальности когнитивные, гедонистические и иные потребности. И этот вопрос имеет прямую связь с проблемой содержания и состояния ценностно-нормативной матрицы, в которой формируется и реализуется такой статусно-ролевой набор.

Толерантность, мультикультурализм и политкорректность, а также патриотизм и национальный шовинизм как антагонистический ответ на них, являются гораздо более тиражируемыми и потому социально востребованными глобалистскими и антиглобалистскими идеологемами, нежели интеллектуальность, творчество и близкие им, направленные на раскрытие человеческого потенциала. Это касается и техносферы современного общества. Можно быть уверенным, что при массовом опросе люди окажутся подробно осведомлены лишь о тех технологиях и технических продуктах, которые широко

используются в повседневной жизни и удовлетворяют утилитарно-гедонистические потребности. Популяризации знаний и достижений, стимулирования интереса к научно-техническому творчеству как интеллектуально и психологически затратной деятельности в обществе потребления не происходит, стимулируется лишь спрос на ее результаты.

Мы полагаем, что этот процесс сегодня во многом объективен и входит в области самоорганизации, лежащие за пределами компетенций управления НТП. Путем разрушения ценностной матрицы, имеющей и экзистенциальное, и культурно-интегративное значение для социального субъекта, техносоциум заменяет ее нормативно-регулятивной, по образу машинных протоколов, тем самым он невольно устанавливает отрицательную обратную связь с субъектными ценностными матрицами, унифицируя их сообразно нормативам коммуникации и интеракций, соответствующих стандартам протоколов киберфизической реальности Индустрии 4.0.

Таким образом и формируется парадокс, заключенный, вопреки постмодернистским ожиданиям, в эффекте обратно-пропорциональной связи процессов усложнения техносоциума и упрощения личности посредством этой связи. Консьюмеристские ценности наиболее полно соответствуют нормативности техносоциума, а потому и иллюстрируют особую устойчивость в благоприятной среде как репликатор, конкурирующий с другими репликаторами за ресурсы среды. Ведь эти ценности также достаточно механистичны, детерминированы для личности исключительно извне. И если в модели В.Г. Буданова Человек 2.0 это технический робот, то логика нашего анализа приводит к выводу, что в социокультурном аспекте Человек 1.1 как своего рода переходный тип – это *социальный робот*, интегрированный в систему техносоциальных коммуникаций и интеракций по принципу механистической связи. Если заглянуть в ближайшее будущее, то видимо и само взаимодействие Человека 2.0 и Человека 1.0 возможно лишь по установленным протоколам, как бы бурно не развивались конвергентные технологии и эмерджентные квантоподобные интерфейсы, первого не скоро еще удастся полностью вывести за пределы реалистичных симуляций, а второго за границы нормативной матрицы общества потребления без направленной работы по развитию ценностного «S»-компонента NBICS-конвергенции. Следовательно, формирование органических, а не механических, оснований социального взаимодействия техносоциума является одной из когерентных задач технологической конвергенции, базовым элементом ее социогуманитарных измерений. Именно соотнесение с социальной ценностью и предполагается человекомерностью NBICS-конвергенции в ее социокультурном измерении.

Сегодня же мы видим реальный переход от институциональной к технологической детерминации ценностного содержания культурных матриц социальной жизни субъекта, смысл которой заключается в ином ее векторе, смене полюсов причинности – нормативность машинного взаимодействия формирует ценности новой культуры. Условно это и есть техногенная Мораль 2.0, призванная восполнить ценностно-редуцированное содержание механистичной нормативности общества техногенного капитализма. Это своего рода рационализация – процесс ключевой в формировании субъекта-оператора,

субъекта-пользователя. В попытках идентификации и самоидентификации, субъект рационализирует. Эта рационализация заключается в том, что личность-субъект в сложном социуме исключает нереперентные биографически области значений, а механизмом идентификации реперентных ценностей и стратегий выступает транслируемая идеология общества потребления, в современном мире как раз и имеющая форму техногенного экспансивного капитализма. Она предлагает простые и понятные линейные паттерны биографии и создает ценностный дефицит, обедняя морфологию социальной субъектности, легитимируя инструментальный статус инноваций как высоких технологий широкого потребления в техногенных институциональных мифах.

Таким образом, жизненный мир массового субъекта (как социальный Umwelt человека) - короткий биографический проект [9]. Ценностная среда общества потребления, механистичность Морали 2.0 техносреды и основания социальной субъектности личности и группы когерентны. Наряду с этим в условиях глобальной неопределённости и объективной сложности и вариативности сценариев будущего для субъекта исчезает актуальность долгосрочного прогнозирования. Сама практика жизни опровергает достоверность таких прогнозов. В этом также заключается связь вопроса с проблемой управления сложностью.

По нашему мнению, этот принцип отрицательной обратной связи не заложен осознанно в ее основу, но он в реальности отражается именно в таком регулятивном механизме, являя так широко обсуждаемые непредсказуемые синергетические эффекты уже на уровне социокультурной конкретики, а не в формах футурологических макро-прогнозов. Скорости НТП, назревающая NBICS-революция, требуют оперативных решений и быстрых результатов, стремясь к технологической сингулярности и вытесняя терминальные ценности инерционного исторического процесса инструментальными, характерными для общества, подошедшего к «концу истории» и пытающегося выстроить дерево целей своего развития, основанного по сути на расплывчатых прогнозах, но уже исключаящих линейную экстраполяцию тенденций прошлого. «Инструментальность» сущностно стоит в основе такого проектно-организованного техносциума и его моделей субъектности.

Важно тут то, что в условиях коротких жизненных проектов и утрированного сегодня проектного способа организации и общественной, и индивидуальной жизни сохраняются лишь актуальные для реализуемого проекта ресурсы, фундаментально-стратегические ценности нивелируются и выпадают из круга реперентных значений. Соответственно и востребованы инструментальные, а не терминальные ценности. Таким образом, технологическая сложность, конвергенция наук, знания и технологий в контексте потребительского технократизма находится в отношении обратной пропорциональности к духовной сфере, упрощающейся в по-прежнему репрезентативной постмодернистской традиции заблуждений и ложного чувства причастности массового субъекта к растущей сложности техносреды.

Все это и позволяет констатировать редукцию сложности социального субъекта в техногенном «сложном социуме». В однотипно организованной среде начинают прослеживаться явные жизненные стратегии субъекта, основанные на

упрощении восприятия мира уже для целей управления собственной биографией. Общий смысл таких стратегий заключается в формировании навыков оперативного реагирования на мозаичность множества сложных контекстов. Эти стратегии, несмотря на возможные поведенческие вариации, по сути построены на единых принципах и редуционны в отношении матрицы возможностей восприятия мира и общества.

Завершая работу, мы хотели бы отметить, что фундаментальный парадокс современности заключен в том, что усложнение «постнеклассического» техносоциума объективно в отношении к массовому «простому» субъекту, и феномен NBICS-конвергенции выводит проблему за пределы постнеклассической рациональности из чисто эпистемологических границ в области не только социокультурной реальности, но и субъект-субъективности. Данный процесс в виде когнитивной модели превосходно отражен В.Г. Будановым: Субъект — Средство — (Субъект* — Средство* — Объект*) [4]. И редуционный принцип в основе социальной субъектности, возможно, актуален лишь для современной стадии, как фазы антропологического перехода, характеризуемой, как и большинство подобных этапов в жизни общества, состоянием социокультурной аномии. В итоге в очередной раз встает вопрос «управления управлением» как управления сложностью, синергией техносоциальной конвергенции. «Семиотический шов» должен быть создан не только на квантовом уровне NBICS-конвергенции, но также в ценностной плоскости ее «S»-компонента, формировании содержания субъектности гибридной реальности.

Статья подготовлена в рамках реализации финансируемого РФФ проекта №15-18-10013 «Социо-антропологические измерения конвергентных технологий».

Литература

1. Аршинов В.И. Конвергентные технологии в контексте постнеклассической парадигмы сложности // Сложность. Разум. Постнеклассика. 2015. №3. С. 42-54.
2. Аршинов В.И., Асеева И.А., Буданов В.Г., Гребенщикова Е.Г., Гримов О.А., Каменский Е.Г., Москалев И.Е., Пирожкова С.В., Суцин М.А., Чеклецов В.В. Социо-антропологические измерения конвергентных технологий // Философские науки. 2015. №11. С.135-147.
3. Бестужев-Лада И.В. Методика долгосрочного упреждающего анализа данных в технологическом прогнозировании (LONG-TERM ADVANCED DATAANALYSIS - LADA-TECHNIQUE) // СОЦИС. 2001. №1. С. 37-41.
4. Буданов В.Г. Архетипы междисциплинарности и трансдисциплинарности в современной науке // Образы постнеклассической интегральной философии. Материалы 2-й летней школы по интегральной философии и философии неовсеединства. 2015. С. 83-98.
5. Буданов В.Г. Новый цифровой жизненный техноуклад – перспективы и риски трансформаций антропосферы // Философские науки. 2016. №6. С. 47-55.

6. Буданов В.Г. Проблемы коэволюции антропо– и техносферы: квантово-синергетический подход // Сложность. Разум. Постнеклассика. 2014. №4. С. 34-47.
7. Каменский Е.Г. Социальный контекст технологического развития: общие макро-конструкты // Сложность. Разум. Постнеклассика. 2016. №1. С.45-57.
8. Кравченко С.А. К обоснованию гуманистической теории сложности общества // Вестник МГИМО-Университета. 2013. №1 (28). С. 180-184.
9. Кривошеев В.В. Короткие жизненные проекты: проявление аномии в современном обществе // Вестник Балтийского федерального университета им. И. Канта. 2009. №6. С. 69-77.
10. Социо-антропологические измерения конвергентных технологий. Методологические аспекты : Коллективная монография / В.И. Аршинов, И.А. Асеева, В.Г. Буданов, Е.Г. Гребенщикова, О.А. Гримов О.А., Е.Г. Каменский, И.Е. Москалев, С.В. Пирожкова, М.А. Сущин, В.В. Чеклецов / Отв. ред. И.А. Асеева, В.Г. Буданов. Курск: ЗАО «Университетская книга», 2015. 239 с.
11. Чеклецов В.В. Философские и социо-антропологические проблемы конвергентного развития киберфизических систем (блокчейн, Интернет вещей, искусственный интеллект) // Философские проблемы информационных технологий и киберпространства. 2016. №1 (11). С. 65-79.
12. Buhl A. Die virtuelle Gesellschaft. Okonomie, Politik und Kultur im Zeichen des Cyberspace. Opladen, 1997.

E. G. Kamensky, Candidate of Social Sciences, associate Professor, Department of philosophy and sociology, Southwest State University (Kursk) (tel. +79038703830, e-mail: kamensky80@mail.ru)

"CYBER-PHYSICAL" SOCIETY: SUBJECTIVITY. VALUES. COMMUNICATION

Abstract. This article is devoted to the analysis of a problem of a modern image and the content of social subject in interface to technosphere developments, first of all convergent technologies. The essence of a problem is that in modern reality, contrary to transhumanistic expectations and philosophical pathos of the technocratic optimism, representing no more than the modernized ideology of post-modernist outlook, social essence of the person, his personality as an integrative sociocultural phenomenon is subject degrades or at least becomes simpler. It is dictated not only that unknown level of technical and technological progress which we observe today, but also his projection in futurology in the widest range of her cultural and public locations, since scientific rationality, finishing existential experience of fear of the future in the individual and collective biography of the personality. The main result of work is establishment of the fact of a reduction of complexity of the social subject in difficult technogenic society, formation of his such type as the subject operator.

The research is financed by Russian Science Foundation, project No 15-18-10013 «Social-anthropological dimensions of convergent technologies», Southwest State University (Kursk), Institute of Philosophy RAS (Moscow).

Keywords: convergent technologies, equipment sociology, social contexts of equipment, scientific and technical progress, social institutes, ideology, social myths.

Bibliography

1. Arshinov V.I. Convergent technologies in a context of a post-nonclassical paradigm of a slozhnostnost // Complexity. Reason. Postneklassika. 2015. No. 3. Page 42-54.
2. Arshinov V.I., Aseeva I.A., Budanov V.G., Grebenshikova E.G., Grimov O.A., Kamenskiy E.G., Moskalev I.E., Pirozhkova S.V., Suschin M.A., Chekletsov V.V. Social and anthropological measurements of convergent technologies // Philosophical sciences. 2015. No. 11. Page 135-147.
3. Bestuzhev-Lada I.V. Technique of the long-term anticipatory analysis of data in technological forecasting (LONG-TERM ADVANCED DATAANALYSIS - LADA-TECHNIQUE) // SOTsIS. 2001. No. 1. Page 37-41.
4. Budanov V.G. Interdisciplinarity and transdistsiplinarnost archetypes in modern science // Images of post-nonclassical integrated philosophy. Materials of the 2nd summer school on integrated philosophy and neovseedinstvo philosophy. 2015. Page 83-98.
5. Budanov V.G. New digital vital technological way – prospects and risks of transformations of the anthroposphere // Philosophical sciences. 2016. No. 6. Page 47-55.
6. Budanov V.G. Problems of a koevolyution anthro – and technospheres, quantum and synergetic approach // Complexity. Reason. Postneklassika. 2014. No. 4. Page 34-47.
7. Kamenskiy E.G. Social context of technological development: the general macro – constructs // Complexity. Reason. Postneklassika. 2016. No. 1. Page 45-57.
8. Kravchenko S.A. To justification of the humanistic theory of complexity of society // Messenger MGIMO-UNIVERSITETA. 2013. No. 1 (28). Page 180-184.
9. Krivosheev V.V. Short vital projects: anomy manifestation in modern society // Messenger of the Baltic federal university of I. Kant. 2009. No. 6. Page 69-77.
10. Social and anthropological measurements of convergent technologies. Methodological aspects: Collective monograph / V.I. Arshinov, I.A. Aseeva, V.G. Budanov, E.G. Grebenshikova, O.A. Grimov O.A., E.G. Kamenskiy, I.E. Moskalev, S.V. Pirozhkova, M.A. Suschin, V.V. Chekletsov / red. I.A. Aseeva, V.G. Budanov. Kursk: «Universitetskaya kniga», 2015. 239 p.
11. Chekletsov V.V. Philosophical and social and anthropological problems of convergent development of cyberphysical systems // Philosophical problems of information technologies and cyberspace. 2016. No. 1 (11). Page 65-79.
12. Buhl A. Die virtuelle Gesellschaft. Okonomie, Politik und Kultur im Zeichen des Cyberspace. Opladen, 1997.